

Николай Ващилин



НА ТЕРРИТОРИИ ЛЮБВИ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

Служить бы рад,
прислуживаться тошно

Николай Ващилин

**На территории любви Никиты
Михалкова. Служить бы рад,
прислуживаться тошно**

«Издательские решения»

Ващилин Н.

На территории любви Никиты Михалкова. Служить бы рад,
прислуживаться тошно / Н. Ващилин — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-44-832457-4

Верность и предательство, дружба и измена, корысть и бескорыстие, жажда
наживы и щедрость, воровство и дарение, моё и твоё, раб и рабовладелец,
барин и холоп, победитель и побеждённый, солист и хор, дирижёр и оркестр,
ведущий и ведомый, пара гнедых... запряжённых зарёю. Служить бы рад,
прислуживаться тошно.

ISBN 978-5-44-832457-4

© Ващилин Н.
© Издательские решения

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| От автора | 6 |
| Утомленный солнцем | 7 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 16 |

**На территории любви Никиты Михалкова
Служить бы рад, прислуживаться тошно
Николай Ващилин**

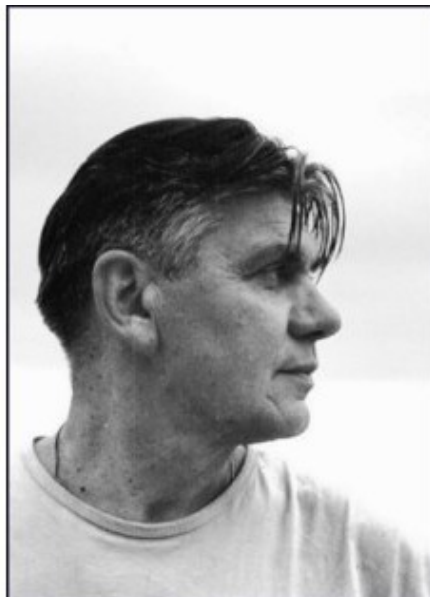
© Николай Ващилин, 2016

ISBN 978-5-4483-2457-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Я прожил свою жизнь в послевоенном Ленинграде, вновь ставшим Санкт-Петербургом. Рос с бандитами «Васьки», занимался самбо и дзюдо в одном спортклубе «Труд» с Вовой Путиным, входил в сборные команды г. Ленинграда, и СССР. Подрабатывал в кино каскадёром, освобождаясь от основной работы, ради заработка и встреч – с Володей Высоцким, Василием Шукшиным, Олегом Янковским, Василием Ливановым, Олегом Борисовым, Михаилом Боярским, Никитой Михалковым, Марчелло Мastroяни и другими известными актёрами. Окончил ЛИАП, работал там же инженером, окончил аспирантуру ЛНИИФК и работал доцентом в ЛГИТМиКЕ, был проректором по учебной работе Всесоюзного института повышения квалификации профтехобразования, позже работал в руководстве компании ТРИТЭ Никиты Михалкова и директором баскетбольного клуба «Спартак».



Николай Ващилин

Строил коммунизм на благо советского народа, защитил диссертацию и получил степень кандидата педагогических наук, вёл курс трюковой подготовки в должности доцента Академии театрального искусства / ЛГИТМиК/. Вырастил двоих детей, которые со своей матерью и моей бывшей женой лишили меня моего дома и их общества после 26 лет совместной жизни. Похоронил, вскормивших меня родителей-фронтовиков. И сегодня вижу, как их, чудом дожившие до этих дней, однополчане, Победители в Великой войне, через 65 лет после Победы, вместо того чтобы давать милостыню щедрой геройской рукою недоучкам и спекулянтам, получают подачки от разжиревших воров. На всё воля Божия! Но нам дано осмыслить его волю в проявлениях наших поступков. Это я и пытаюсь сделать.

Утомленный солнцем

Люди, расторгнувшие отношения с Никитой Михалковым... Алексей Герман, Иван Дыховичный, Борис Немцов, Элем Климов, Павел Лебешев, с 1982 по 1996/, А. Адабашьян / с 1986 до 1995/, А. Руцкой / с 1993 до 1999/, С. Ф. Бондарчук / за высказывание о придворном режиссёре, на которого работает вся страна с 1979 по 1986/, Виктор Матизен, Татьяна Миткова / по защите Михалковым попа-чекиста ПИТИРИМА по кличке Аббат/, Рустам Ибрагимбеков / из за дележа собственности в Киноцентре с 1997 .../, брат А. Кончаловский / из за многого/, Виктор Мережко, А. Кайдановский, А. Калягин, Игорь Фёдорович Масленников / из за подставы его под растрату денег СК РФ/ и многие другие.... Жизнь прожить – не поле перейти...

Помните, у Высоцкого: «Если друг оказался вдруг...» Впрочем, я никогда не считал себя другом Никиты Михалкова – скорее мы были приятелями. Он – хохотун, весельчак, я тоже большой любитель приколов. Именно юмор, легкое отношение к жизни и сблизили нас. Настолько, что мы приятельствовали более двадцати лет. Я горел вместо него в тракторе на съемках «Сибириады», позже он стал крестным отцом моих сына и дочери. В какой-то момент я даже поверил, что наши отношения тянут на крепкую мужскую дружбу, но это оказалось не так. Пройдя огни и воды, они сломались под звуки медных труб.

...Конец 70-х, идем по Невскому, кадримся к девчонкам. Михалков тогда приезжал в мой родной Ленинград особенно часто – в архивы библиотек дома Пушкина, Салтыкова-Щедрина и Академии наук. Он работал над сценарием к фильму о Грибоедове, который очень хотел снять. Мог бы, конечно, делать это и в Москве, в «Ленинке», но, видно, предпочитал погружаться в эпоху: над Невой, Фонтанкой и Грибоедовским каналом и в те годы витал дух позапрошлого столетия. Впрочем, не исключаю, что Михалкову просто хотелось время от времени вырваться из московской суеты: дома маленькие дети – Аня и Артем, одна без усталости бегают, второй – плачет. Так или иначе, при малейшей возможности он приезжал сюда. Останавливался в гостинице, днем работал, вечером заходил ко мне, и мы отправлялись вдыхать атмосферу улиц.

Кстати, к девчонкам мы кадрилились в шутку, для настроения: заводить интрижки в наши планы не входило. Скорее был спортивный интерес: как девушки отреагируют, узнают ли Михалкова? Ведь за его плечами было уже несколько картин, в том числе хит Георгия Данелии «Я шагаю по Москве». Не могу сказать, что завидев Никиту, женское население падало в обморок от счастья: в лицо знали, но относились без фанатизма, и это его огорчало. Вот Алексей Баталов или Георгий Юматов – другое дело, они тогда действительно были кумирами всей страны.

Я никогда не считал себя ровней Михалкову. Как говорится: два мира – два детства, хотя и его путь был непростым. Нет, громкая фамилия отца и связи, безусловно, помогали. Вот, представьте, пришел Никита подавать документы в во ВГИК, «Щепку» или «Щуку». Кто рискнет завалить на вступительных экзаменах Михалкова? Хотя выгнали его из «Щуки» с третьего курса с формулировкой «за профессиональную непригодность». А вот во ВГИК приняли.....

Да и нужды он не знал, в отличие от меня. Я рос в послевоенном Ленинграде, в подвале дома на 3-й линии Васильевского острова. Такое жилье, земляную шестиметровую нору, выдали моим родителям, которые прошли всю войну. Отец, Николай Игнатьевич, служил в танковых войсках и дошел до Берлина, мама, Александра Яковлевна, была санинструктором разведбатальона и вытаскивала раненых из самого пекла на Втором Белорусском фронте. У обоих – грудь в орденах и медалях. А в 1957-м отца посадили: ляпнул в разговоре, что Хрущев, вместо того чтобы культ личности разоблачать, лучше бы фронтовикам нормальную

жизнь обеспечил. Кто-то донес, и он загремел на два года. Пока валил лес на Колыме, мама тянула две работы, но ее копеек не хватало. Помню постоянное чувство голода да драки с дворовыми пацанами, которые дразнили меня «тюремщиком», и я отчаянно лупил их от обиды за отца. Вместе с нами жили мамина 12-летняя сестра Люся, и подслеповатая бабушка Аня, вечером и утром молившаяся об освобождении сына перед иконой Божьей Матери.

– Какими бы трудными не были времена, надо жить по заповедям. По Богу. По совести, не озлобляться, – говорила она мне, перекрестив перед сном.

По сравнению с моим, детство Никиты, конечно, было куда благополучнее. Да и дом строить ему было легче. Кооперативная квартира в центре Москвы на Малой Грузинской, этажом ниже жил Владимир Высоцкий. Была и дача в подмосковном поселке Николина гора. Это теперь Никита возвел роскошный особняк, а тогда только звучало громко – усадьба Михалковых. Да, земли много, с гектар. Когда позже, в конце 70-х, я приезжал на эту дачу, там было два дома. Один, поменьше, построенный чуть ли не до революции, весь скрипел и трещал от старости. Второй – поновей и побольше, в два этажа: на первом – холл, на втором – спальня и два флигелечка по бокам. Всюду картины деда. Никакого хрусталя и прочей безвкусицы, везде книжные стеллажи и шкафы, особенно много в комнате Андрона, старшего брата Никиты. Стены у него, помню, были заклеены не обоями, а симпатичными зелеными гобеленами из холстины.

Кстати, познакомились мы с Никитой через Андрона Кончаловского. Было это в 1973-м, на съемках фильма «Романс о влюбленных», мне тогда не было и тридцати. К тому времени я успел стать несколько раз стать призёром СССР по самбо. Тренировался у Анатолия Рахлина в обществе «Труд», ученика Александра Массарского, слывшего легендарной личностью не только из-за спортивных достижений: он первым на «Ленфильме» создал группу каскадеров. Серьезных трюковых фильмов в СССР не было. Нужно подражаться в кадре, упасть, проехать на мотоцикле – все это актеры делали сами. Но в 1965 году на съемках картины «Директор» погиб знаменитый по фильму «Коммунист» Евгений Урбанский, и в Госкино озаботились проблемой: что делать? Не знаю, Массарский ли вышел на киностудию или они на него, но в середине 60-х Александр Самойлович начал использовать своих спортсменов для съемок. Пригласил и меня. Так что в кино я стал работать с шестнадцати лет.

Ученики Массарского просто обожали. Он же называл нас «самбистами», «мальчиками для битья», а режиссерам рассказывал, что мы – люди-машины, можем абсолютно все. Такая реклама нам порой выходила боком. Так, в августе 1972 года в Луге на съемках фильма «Блокада» Массарский предложил нам выпрыгнуть из горящих вагонов. Отрепетировать такую сцену слишком долго и дорого. Что-то пошло не так, вагоны наполнились дымом и спортивная массовка – двадцать человек – чуть не сгорели заживо.

Двумя годами позже нас и вовсе чуть по-настоящему не повесили. Случилось это во время работы над лентой «Звезда пленительного счастья». В сцене казни декабристов из-под ног каскадеров выбили помосты и мы висели над глубокой ямой, а Олег Янковский произносил длинный монолог. Я истошно заорал и сорвал съемку, заметив, что один из наших, Толя Ходюшин, не просто захрипел, а задергался в конвульсиях. Потом выяснилось: страховочный ремень от парашюта так сильно перетянул ему бедренную артерию, что он оказался на волосок от смерти.

Была драматическая история и на съемках фильма «Человек-амфибия»: нашего паренька попросили перепрыгнуть с одного здания на другое, не рассчитали рисков. Бедолага во время прыжка ударился обеими стопами о стену, и его кости буквально рассыпались в труху. Стал инвалидом... «Мы умирали по воле режиссеров», или «Откровения каскадера» – так я назвал книгу, которая скоро выйдет в одном из московских издательств.

С особым чувством вспоминаю съемки картины «Любовь Яровая», где мне посчастливилось познакомиться с Василием Шукшиным. Помню, как мы, группа спортсменов, ожидали

в автобусе команды режиссера. Василий Макарович сидел там же – тогда звезды не требовали отдельных апартаментов и прочих благ. Помнится, начал расспрашивать нас, как к соревнованиям готовимся, где уже выступали. Через минуту пригласили в кадр. Сцена расстрела, я рядом с Шукшиным на краю глубокой ямы.

– Давай так: сначала ударишь его прикладом в лицо, – отдал приказ Массарскому, кивнув в мою сторону, оператор Евгений Шапиро, – потом целишься в Василия Макаровича.

– Как это, прикладом в лицо? – недоуменно перебил режиссёра Фетина исполнитель главной роли. – Живого человека?!

– Да мои спортсмены – люди с железными нервами и телами! – пытался бравировать Александр Самойлович. Но Шукшин даже слушать не стал, ушел в автобус. Сцену так и не сняли, а я избежал возможности пострадать за искусство.

Потом я встречался с Шукшиным на съемках «Даурии», «Калины красной», «Они сражались за Родину». Случалось говорить о жизни.

– Хочу профессионально осваивать трюковое искусство, учить этому молодых, – поделился я с ним, – Во-первых, мне нравится работать в кино. А во-вторых, вы же сами видите, как обращаются с живыми людьми. Словно каскадеры не люди, а куклы.

– Нужное дело! – благословил Шукшин, – И мне скоро хороший специалист понадобится, будем про Степана Разина снимать. Так что учись и никогда ни перед кем не пасуй, Коля, не подстраивайся. Живи так, как подсказывает совесть.

Осуществить мечту Василий Макарович не успел – умер на съёмках фильма «Они сражались за Родину». А я его советы вспоминал их каждый день, двигаясь к своей мечте. Окончив Ленинградский институт авиаприборостроения, сменил-таки профессию. Поступил в аспирантуру Ленинградского научно-исследовательского института физической культуры. Параллельно устроился работать в ЛГИТМиК, где под руководством Василия Меркурьева и Ирины Мейерхольд разрабатывал программу подготовки актёров для трюкового кино. У меня много учеников, среди них Лариса Гузеева, Саша Лыков, Лена Сафонова, Николай Фоменко и другие известные артисты.

Вскоре присвоили звание доцента, получал почти 400 рублей в месяц, гигантскую по тем временам сумму. Мог бы и не ездить на киносъёмки, но лучше места заработать и весело провести время в СССР не было. Выполнял, а позже и ставил трюки в лентах, которые сейчас называют легендарными: «Республика ШКИД», «Три толстяка», «Интервенция», «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона», «Остров сокровищ» и многих других. Был постановщиком трюков и в знаменитом фильме «Д'Артаньян и три мушкетера», хотя молва с 1992 года упорно приписывает это Владимиру Балону, поставившему всего несколько фехтовальных сцен под моим руководством и крепко дружившему с Михаилом Боярским. Несмотря на такой послужной список, я никогда не строил из себя крутого парня. В институте студенты спрашивали: «Правда, что вы мэтр советских каскадеров?» Я отвечал: «Нет! Я – два мэтра. Точнее, мэтр восемьдесят семь». Таков мой рост.

С Андроном Кончаловским я познакомился в феврале 1973-го, когда он пригласил меня, как я уже говорил, в команду своего фильма «Романс о влюбленных». Меня ему порекомендовали ассистентки Наталия Терпсихорова и Галя Бабичева, с которыми я работал на картине «Легенда о Тиле». Тогда Массарский на съёмках цунами чуть не убил падающей крышей мальчика из массовки. Да и актёру Роману громадскому досталось брэнном по голове. И Кончаловский вызвал меня из Ленинграда, хотя на «Мосфильме» к тому времени уже появились свои специалисты.

Работать с Андроном Сергеевичем было большим удовольствием. Мы часами скрупулезно придумывали трюки, которые можно было использовать в картине. «Надо же, как ты классно придумал, молодец», – радовался Андрон интересной находке, которую мы только что сочинили вместе.

В том же году Никита вернулся из армии. Не помню уж, сам он мне рассказывал, как туда загремел, или Андрон, но дело было так. Когда ему пришел срок служить, Сергей Михалков попытался устроить сына в Театр Советской Армии. Многие молодые артисты проходили там службу: выходили в массовке или отправлялись на съемки военных фильмов. Но вмешался тогдашний министр обороны Андрей Гречко, который отчего-то недолюбливал автора советского гимна. Стукнул кулаком: никаких поблажек! И отправил призывника Михалкова аж на Камчатку. Позже Никитон бравировал, будто сам попросился границы родины охранять. Наверно, в конце-концов и сам в это поверил.

Вернувшись, частенько наезжал к брату на съемки, присматривался. Меня он не замечал, да и мне он был тогда не интересен. Правда, Никита уже сыграл в нашумевшей картине «Я шагаю по Москве», которую я смотрел аж четыре раза из-за Гали Польских. Она была моим идеалом, позже и жену себе я выбрал похожую. Показался симпатичным и главный герой, которого играл Алексей Локтев. Вот персонаж Никиты не вызывал ровно никаких чувств.

К тому же я знал, что в эту картину Михалкова взяли благодаря старшему брату, которому вскоре пришлось за него краснеть. Андрон учился и дружил со сценаристом Геннадием Шпаликовым, его и попросил замолвить словечко за Никиту перед Георгием Данелия. Отснявшись в трети фильма, Михалков потребовал повысить ему гонорар, иначе играть отказывался. Это известная история. Но Данелия не поддался на провокацию и чуть было Никиту не заменил. Тот изумился, но стал вести себя скромнее.

В общем, наше первое знакомство с Михалковым, мягко говоря, не обещало стать судьбоносным. Не добавил симпатий к нему и следующий эпизод. Где-то через год я попал на Кавказ – студенты чечено-ингушской студии, мои ученики пригласили меня в Грозный, где Никита снимал свою первую ленту «Свой среди чужих, чужой среди своих». На съемки я ходил со свими студентами и наслаждался выпавшими осенними каникулами. Лишь позже узнал, что на площадке вышла анекдотичная ситуация, впрочем, закончившаяся плачевно. Висело объявление: «Требуются люди для массовки, оплата 3 рубля». Местные жители, мало понимавшие в кино, наивно предположили, что платят не им, а они. Не знаю, о чем думал заместитель директора съемочной группы, но деньги брал. Скандал разразился через полгода, когда картина вышла, а участники массовки не обнаружили на экране своих лиц крупным планом. История получила огласку, заместителя директора посадили на 6 лет в тюрьму. Никита сказал, что аферу тот провернул за его спиной. Скорее всего, так оно и было, но слухи ходили разные.

Лицом к морде мы столкнулись с Михалковым лишь в 1976-м году. Андрон тогда снимал «Сибириаду» и снова позвал меня постановщиком трюков. Съемки проходили в Твери, тогда еще Калининне. Как-то вечером режиссер устроил ужин для своих. Пригласил Андрон и меня, что было сродни чуду.

Когда говорят, будто в СССР все были равны и друг другу братья, это чушь. Во все времена существовало избранное общество. Тогда в него входила интеллигенция, а также нужные люди, которых позже мы с Никитой цинично называли «нужники». С их помощью в эпоху глобального дефицита можно было достать что угодно. Отлично помню, как задружившись со вторым секретарем райкома комсомола Ленинграда, добыл для жены сапоги в «голубом зале» Гостинного двора. Наконец, были все остальные: народ, простолюдины – строители коммунизма, среди которых и моя скромная персона.

И вот я, простой парень, вдруг оказался среди самых-самых. Разве не чудо? Помню французских дипломатов, заглянувших к Андрону, очаровательную Лив Ульман, жену знаменитого Ингмара Бергмана. Она тоже приятельствовала с Кончаловским и высоко ценила его как режиссера. Сидим за столом, разговариваем, хохмим, обсуждаем прошедший день и предстоящую завтра работу. Вдруг танцующей походкой входит Никита, игравший в «Сибириаде» одну из главных ролей. Щелкнул пальцами:

– Привет всем!

Я, видимо, не слишком почтительно кивнул, продолжая начатый разговор.

– А этот что тут делает? – громко удивился Михалков, подчеркнув слово «этот».

Я вспыхнул, но в следующую секунду почувствовал на плече руку Андрона.

– Коля, не обращай внимания. Никита у нас, бывает, хамит, но это не со зла – наверное, не выпался, – примирительно сказал он, умело разрядив обстановку.

Казалось, уж после этого случая ни о каком приятельстве с Никитой и речи быть не может. Но уже на следующий день ситуация изменилась. Снимали сцену с огнем: два деревенских парня из соседских семей Соломиных и Устюжаниных сцепились и падают в костер, во время которой герой Александра Потапова заехал своему брату веслом – шуточный эпизод, который собрал всю группу, и мне аплодировали, как постановщику.

Никита подошел после съемки и, не говоря ни слова, пожал мне руку. Это было по-мужски. Я был тронут.

Еще через два дня я дублировал Михалкова в сцене, когда его герой горит в тракторе.

– Ты как, друг? Живой? – выскочил Никита из-за камеры оператора Левана Пааташвили, едва каскадёры огонь на мне потушили. – У меня чувство, словно я сам горел.

Было видно, что он действительно волновался, переживал.

– Да живой, – утешил я. – Как Ленин, живет всех живых.

И Никита снова пожал мне руку. Я окончательно оттаял.

20 августа у Андрона день рождения. Я подарил ему иконку Николая Чудотворца. Такая же маленькая, величиной с ладонь, только Андрея Первозванного, подарок его мамы, всегда стояла в его гостиничном номере. В семье Михалковых было заведено: где бы сыновья ни находились, в праздники всегда собирались у мамы, Натальи Петровны Кончаловской. Съемки свернули, и мы большой компанией отправились в поселок Николина гора. Так я впервые оказался у Михалковых в их загородной усадьбе.

Вечер был шумный, пили знаменитую «кончаловку», напиток по рецепту Натальи Петровны: водку, настоянную на черной смородине. Из-за стола все разбрелись по огромному участку с высокими разлапистыми соснами.

Потом я часто бывал на даче Михалковых-Кончаловских. «Сибириаду» снимали три года – огромная, тяжелейшая работа. Я успел закончить аспирантуру, поработать постановщиком трюков на двух других картинах, в том числе на фильме Юнгвальд Хилькевича «Д*Артаньян и три мушкетёра», в моей семье родился второй ребёнок, дочь Оля. И с Никитой, и с Андроном за эти три года мы стали родными людьми. Впрочем, может быть мне это только казалось.

В 1979-м «Сибириада» получила специальный приз жюри на международном кинофестивале в Каннах. Мои сцены в фильме остались, значит, и я что-то заслужил. Андрон всегда это помнит. Когда в 1078 году подарил мне свою книгу «Парабола замысла», то подписал так: «Дорогому Коле, талантливому русскому богатырю».

Наталья Петровна тоже относилась ко мне, как к своему. Не раз просила: «Коля, вы уж, пожалуйста, присмотрите на съемках за Андроном и Никитой. Не давайте им делать опасных трюков».

Помнится, через несколько лет, в один из визитов в усадьбу, она попросила нас с Никитой спилить самую высокую сосну на участке, закрывавшую солнечный свет. Мы рьяно взялись за дело, но колючая красавица повалилась набок, зацепившись ветвями за соседние деревья, и упорно не хотела падать на землю. Наталья Петровна, без слова упрека, вызвала из сельсовета бригаду коммунистического труда, которая быстро довершила дело. Но дел нам больше не поручала.

Она всегда была очень организованной и энергичной, всегда за работой. При этом чувствовала себя порою: эдакая величественная сдержанность. Настоящая аристократка, никогда не повышала голос и вела себя так, что каждый в ее присутствии чувствовал себя самым желан-

ным гостем. Ее обожали соседи, подружки, друзья детей и внуков. Крутились вокруг нее, как мотыльки возле лампы.

Вместе с тем домашних она держала, что называется, в узде. Позволю себе процитировать эпизод из книги Андрона Кончаловского, прекрасно характеризующий Наталью Петровну. Когда Андрон расстался с Натальей Аринбасаровой, та, продолжая бывать на даче, начала ссориться с Настей, супругой Никиты. Как-то дошло до того, что и сами братья поругались. Видимо, каждый свою женщину защищал.

В причины ссор Андрон в книге не вдавался, но написал, что мама собрала невесток и сказала: если еще хоть раз из-за вас поссорятся мои сыновья, головы вам не сносить! Приезжайте в гости, двери всегда открыты, но интриг я не потерплю. Сказала это, не повышая голоса, но так, что ни у кого и мысли не возникло ослушаться

У Михалковых мне запомнилось немало любопытных деталей. Скажем, я долго не мог понять, отчего, когда приносят что то в упаковке, веревочку или ленточку не разрезают, а именно развязывают. Потом оказалось, что так Наталией Петровной заведено.

– Это занятие, развязывание узелков, – говорила она, – развивает терпение.

Новую одежду детям, а потом и внукам, покупали не часто.

– Вещи не должны быть культом, – внушала Кончаловская. Никита, когда у него росли дочки и сын, по примеру мамы не торопился покупать им обновы. И я проникся этим правилом, и мои Тима и Оля с тех пор не были избалованы изобилием. Я был просто влюблен в семью Михалковых – в целом и в каждого в отдельности.

Да, еще Наталия Петровна пекла потрясающие пирожки с капустой из слоеного теста – маленькие, словно пельмешки, вкусноты необыкновенной! Она их делала много, но огромную кастрюлю съедали в один присест, как семечки. Запекала гуся или утку с яблоками, тоже изумительно. Правда, все это лишь по праздникам или когда было свободное время и вдохновение. В остальные дни хозяйничала домработница Верка – живописная тетка лет пятидесяти. Жила в доме чуть ли не с 40-х годов, ее привезли из какой-то деревни. Одевалась она хуже огородного пугала – всё лучшее вешала на него /берегла от птиц урожай/: старое выцветшее тряпье – сарафан или платишко из прабабушкиного сундука, на ногах – огромные суконные боты.

Входя утром в дом и на кухню, Верка гремела этими ботами под аккомпанемент кастрюль и сковородок, отбивая ритм своего фирменного степа. К этой музыке Михалковы давно привыкли и мирно спали. Просыпаясь лишь тогда, когда она по какой-то причине задерживалась, и в доме воцарялась подозрительная тишина. Неужели Верка позабыла о своих обязанностях, и завтрак отменяется?!

А готовила Верка так, что пальчики оближешь: пельмени, блинчики... Какую баранью ногу она томила в печи! Естественно, продукты привозили хозяева. Сама Верка за пределы Николиной Горы не выезжала – там и жила с мужем, во флигельке на территории усадьбы. Он сторожем сторожил. На кухне было окошечко, как в столовых на раздаче – через него тарелки с едой подавались в гостиную, где накрывали большой круглый стол.

Бывало, Никита утром проснется, зайдет на кухню:

– Верка, что-то салата из помидоров хочется, приготовь!

А ему в ответ:

– А ты помидоры привез? Не привез, так чего ты хочешь?!

Беззлобно так, по-свойски. Никита не обижался, подскочит, прижмет ее к себе:

– Ладно, не кипятись, завтра все привезу!

Он к ней как к родной тетушке относился, без намека на снобизм и прочую фанаберию. Порой, в дурном настроении она гоняла его:

– Ты ждешь, чтобы я за тобой посуду помыла? Барин! Нет бы самому?! Сейчас Наталии Петровне скажу, что сын бездельник!

– Главная у нас в доме – Верка, – смеялся Михалков, покорно намывая в раковине тарелки.

Я становился свидетелем и других домашних сцен, не таких забавных. Как-то Никита поссорился с соседом по поселку. Уже не помню ни причин, ни имени недруга Михалкова. Запомнилось только, как этот человек с хамском издевкой сказал ему: «Между прочим, мы вчера бухали вашу „кончаловку“, ничего так напиток».

Оказалось, мальчишки, старший сын Андрона Егор, и Никитин Степан, тиснули дома бутылку, уж не знаю, каких коврижек им за это сосед пообещал. Каких же «горчичников» выписали им дома!

– Да кто вы после этого – взяли и открыли врагу наши семейные кладовые! Это последнее дело – из дома выносить! – гремел Никита. Сидевший рядом Андрон согласно кивал головой, правда, он был не столь гневлив.

– Знаешь, у меня ведь похожий грех есть, – вдруг признался мне Андрей, когда Никита отошел. – На съемки фильма «Дворянское гнездо» взял у мамы ее фамильные драгоценности. По сценарию, нужны были бриллианты. А я не знал, что в кадре все равно не видно, натуральные или бижутерия – думал, в кино все должно быть по-настоящему. И у меня из гостиничного номера эти бриллианты утащили. Господи, как же стыдно было перед мамой! А она, узнав о пропаже, только и сказала: «Значит, нам надо было за что-то расплатиться этими бриллиантами – судьба просто так не возьмет».

После этого и я покаялся:

– Однажды в наш двор в Ленинграде пришел незнакомый мальчишка. И принес фантики от конфет – яркие, пахнущие шоколадом. Я в свои пять лет подобного волшебства в глаза не видел, и жадно их нюхал, впитывая аромат. «Хочешь, давай меняться?» – вдруг спросил хозяин богатства. «У меня дома есть мамины ордена, возьмешь?» – сказал я без всякой надежды: какой дурак поменяет такие прекрасные фантики на железки?! «Ладно, так уж и быть», – согласился он. И потом я весь день нюхал и облизывал свое приобретение. А вечером никак не мог понять, почему мама рыдает в уголке нашей каморки. Эта история – моя боль, до сих пор.

Андрон сочувственно закивал. И это был удивительный момент единения. С Никитой я мог шутить, а вот так открыть душу вряд ли.

Сергей Владимирович Михалков, в доме на Николиной горе появлялся редко. Он не любил загородную жизнь, предпочитал городскую квартиру. Не буду рассказывать, каким он мне показался. У Никиты есть фильм «Папа», вот там поэт и автор гимна такой, какой есть, без прикрас.

Мне особенно запомнилось, как Никита в кадре спрашивает отца, изменял ли он маме. И тот честно отвечает: «Да, но она настолько добрая, что прощала». Потом сын задает вопрос: а как ты относишься сейчас к своим знакомым девушкам, которых когда-то, так сказать, щипал за ножки? «Что ты, я не могу на них смотреть – старухи», – с ноткой превосходства отвечает Сергей Владимирович, которому самому тогда было за 80.

Никита чем дальше, тем больше напоминает мне своего отца. Как минимум – внешне. А у его жены Татьяны в глазах я читаю какое-то смиренное достойное спокойствие, как у Наталии Петровны.

От Никиты знаю, что в Москву она приехала из Воронежа, поступила в Институт иностранных языков, что в 70-е для девочки из провинции было не меньшим чудом, нежели сейчас. В свободное от учебы время подрабатывала в Доме моделей. Адский труд. Прежде чем разок прошегать царицей по подиуму, надо выдержать десятки каждодневных, многочасовых примерок. Но Таня была исполнительницей, послушной. Этими качествами и покорила Никиту. Он не раз, смеясь, рассказывал историю, как едва познакомившись, пригласил ее поужинать в Дом Кино. Там спросил, что она будет пить и есть, а Татьяна тоном комсомолки и отличницы

ответила: «Первое, второе и третье». «Я сразу решил, что она будет моей женой», – вспоминал Никита.

Таня по-настоящему любит мужа. Дом и семья для нее – смысл жизни. Она рядом с мужем в горе и радости, и это не пустые слова. Не всегда Никите светило солнце и дул попутный ветер в парусиновые штаны – хватало и горьких дней, и месяцев, и даже лет. Никогда не видел, чтобы жена пилила его или на жизнь роптала.

В 1981-м Никита снял фильм «Родня» – от начала до конца стёб над советской действительностью. На долгие шесть лет чиновники из Госкино отлучили его от режиссуры, доверив снять лишь одну-единственную семейную драму «Без свидетелей».

Никита звонил мне и с надрывом в голосе говорил:

– Коля, похоже, это конец.

– А может, только начало? Судьба такая штука, никогда не знаешь, что ждет тебя завтра, – утешал я.

– Тебе хорошо говорить... – горько вздыхал Никита.

Прекрасно помню, как однажды в 1994 году, приехав в Питер на Фестиваль Фестивалей у Александру Мамонтову он выступал на скромной творческой встрече в ДК города Тосно под Ленинградом. Ему заплатили 300 долларов, неплохо по тем временам. Но по дороге в Москву, в «Красной стреле», у него эти деньги вытащили. Никита бегал по всему составу, громко ругался, требуя наказать воров. Поднял спавшую милицию, начальника поезда, закусывающего с проводницами.

– Только не подумай, – повторял он мне, – я не из-за денег хлопочу, а из принципа.

Но губы у него дрожали.

Я к тому времени уже стал проректором Всесоюзного института повышения квалификации в Ленинграде – уважаемая должность, теплое место. Андрон перебрался во Францию, потом в Италию. Непросто, но сумел завоевать репутацию, завести полезные знакомства и всюду снимал кино за рубежом. Мне часто звонил и писал. Иногда просил принять в Ленинграде его новых зарубежных друзей, показать им город. По просьбе Андрона я принимал у себя итальянского сценографа Эцио Фриджеро, Роберта Редфорда, Марчелло Мастроянни, Анн Консини. Показывал им наши музеи и памятники. Нравилось им и у меня дома. Я тогда купил огромную квартиру – в самом центре, с дубовыми потолками, камином и видом на Петропавловку, обставил ее красивой мебелью.

– Надо же, как хорошо в СССР люди живут, – восхищались иностранные гости. И я испытывал гордость за свою страну, в которой мальчик, выросший в подвале на Васильевском острове, упорством и трудолюбием сумел достичь таких высот.

– Коля, тут один мой приятель, журналист из Италии Кайо Марио Гарруба, собрался снимать репортаж о Ленинграде. Покажешь ему город? – как-то позвонил Андрон.

– Никаких проблем, пусть приезжает!

В тот же день позвонил и Никита. Услышав о приезде итальянского репортера, он уже вечером был у меня. Словно угадал, что знакомство может оказаться полезным. Марио сопровождала жена Алла. Никита сумел ее обаять, и шустрая полька взялась представлять его интересы в Европе. Устроила в Италии просмотр картины «Неоконченная пьеса для механического пианино», пригласила влиятельных друзей, начала им рассказывать, какой талантливый этот русский режиссер. Талантливых людей много, только вот знают об этом не все. В числе тех, кому она рекомендовала Никиту, были знаменитый продюсер Анжелло Рицолли и Марчелло Мастрояни.

Накануне нового, 1986 года Михалков пригласил их погостить в Ленинграде. Поводил по Эрмитажу, потом зашли ко мне. Выпили водки, закусили грибочками. Мечтали вслух, какой фильм мог бы снять по Чехову Никита. Знал, что Мастроянни любит Антона Павловича, и,

конечно же, не устоит. Так оно и вышло. Итогом этого ужина стали «Очи черные» – мелодрама по мотивам чеховской «Дамы с собачкой» с Марчелло в главной роли.

Что и говорить, в чутье и стратегическом таланте Никите не откажешь. Я был очень рад за него и горд от своей, пусть опосредованной, причастности к его успеху.

Съемки проходили в Ленинграде и Костроме. Есть фотография, где в бричке сидят Аня и Тема Михалковы, а рядом мой сын Тимофей и дочь Ольга. Никита снял их в маленьких эпизодах, а Оле даже повезло сняться в одной сцене с Мastroянни.

Там же моих Тиму и Олю крестили – в местном храме Воскресения на Дебрях. Крестного искали недолго.

– Давайте, Никиту Сергеевича попросим, – предложил настоятель храма отец Александр. – Никита Сергеевич, вы не против?

– Конечно, нет, о чем разговор – Коля мой близкий друг! – тут же согласился Михалков.

А я стал крестным своей бывшей студентки Леночки Сафоновой. Мы все встали возле купели – окунают туда только младенцев, а взрослые стоят рядом, раздетые, прикрывшись простынькой, батюшка просто поливает их водой. И они, вслед за ним, произносят трижды:

– Отрекаюсь от тебя, Сатано, сочетаюсь Тебе Христе.

– Господи, прими новоизбранных рабов Твоих, – завершил обряд отец Александр.

Никита, когда все закончилось, тут же забрал Марчелло и Лену на съемки сцены объяснения в любви в сарае дома городского головы, которого играл Иннокентий Смоктуновский.

«Очи черные» получили приз в Каннах за главную мужскую роль, еще какие-то знаковые награды. Был международный успех, фильм продали в 120 стран. Но Никита был недоволен. Дело было в том, что финансировала проект найденная Аллой Гарруба итальянская миллионерша Сильвия д'Амико, ставшая продюсером. Перед началом съемок они с Михалковым договорились, что ему заплатят 100 тысяч долларов. Позже Никита выяснил, что по западным меркам это сущие копейки, столько получают начинающие режиссеры. Еще больше его раздражало то, что Сильвия, вложив 4 миллиона долларов, получила раз в двадцать больше и наотрез отказалась делиться процентами от прибыли. Мол, так не договаривались. Что и говорить, ушлый народ эти миллионерши. Было обидно, конечно. Разгневанный Михалков больше с ней не сотрудничал.

Позже, в 1992-м, Никита разругался и с Аллой. Она считала себя важной птицей. И могла сказать, например: «Никита! Нельзя так писать сценарий. Будешь делать так и вот этак...», дальше следовали прямые инструкции. Ведь это в России режиссер – царь и Бог, а на западе рулит тот, кто деньги на фильм нашел. Зная Никиту, могу только представить, как у него шерсть дыбом вставала от таких указаний. Он терпел-терпел, но в конце-концов рубанул:

– Как ты со мной разговариваешь? Пошла вон!

И выбросил ее из своей жизни, мгновенно забыв, что именно Алла нашла деньги на съемки трех его картин, в том числе и на «Ургу», познакомила с полезными людьми и вывела его карьеру на новый международный уровень. Но эти мысли пришли гораздо позже, когда я сам, по сути, оказался в том же положении, что и Алла. Тогда же я Никиту понял и не осудил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.